

На правах рукописи

АНАШКИН Антон Владимирович

**ЖАНРОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКИХ КАНОНИЧЕСКИХ
ВОПРОСООТВЕТОВ XI–XV вв.**

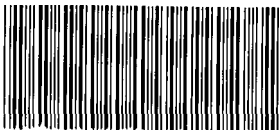
Специальность 10.02.14 –

Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

13 МАЙ 2015

005568953

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета.

Научный руководитель: **Максимович Кирилл Александрович,**
доктор филологических наук

Официальные оппоненты: **Герд Лора Александровна,**
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский институт
истории Российской Академии Наук
ведущий научный сотрудник

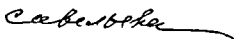
Луховицкий Лев Всеволодович,
кандидат филологических наук,
Институт славяноведения Российской
Академии Наук, отдел истории средних
веков, научный сотрудник

Ведущая организация: **Национальный Исследовательский
Университет «Высшая Школа Экономики»**

Защита состоится «16» июня 2015 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и на сайте филологического факультета: www.philol.msu.ru

Автореферат разослан «28» апреля 2015 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент О. М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу жанровых и языковых особенностей памятников византийской церковно-канонической вопросоответной письменности XI–XV вв., созданных с целью толкования и разъяснения сложных вопросов из канонической, литургической или пастырской практики и популяризации различных церковных знаний. Несмотря на то, что эти произведения в смысле научной, философской или богословской добротности преимущественно представляются малоценными, тем не менее, будучи носителями средневекового византийского мировоззрения, они представляют для нас интерес как памятники, представляющие совершенно определенный пласт византийской культуры – культуру (а вместе с тем и язык) «полуинтеллигентного» (по выражению Н. Ф. Красносельцева¹) класса средневекового византийского общества.

В настоящей работе подробно рассматриваются специфика жанра канонической вопросоответной литературы и особенности языка этих памятников византийской (XI–XV вв.) церковной мысли.

Объектом данного исследования являются византийские канонические вопросоответы кон. XI – сер. XV вв.: ответы Никиты Иракийского, Николая Грамматика, Петра Хартофилакса, Никифора Хартофилакса, Илии Критского, Луки Хризверга, Никиты Солунского, Нила Диазорена, Иоасафа Эфесского.

Предметом исследования являются 1) особенности жанра и 2) лексические и грамматические особенности греческого языка византийского периода² в контексте памятников канонической литературы.

---

¹ Красносельцев Н. Ф. Addenda к изданию А. Васильева: “Anecdota graeco-byzantina” (Москва, 1893). Одесса, 1898. С. 2.

² В данной диссертационной работе как взаимозаменяемые используются названия «греческий язык византийского периода», «среднегреческий», «средневековый греческий язык».

Цель диссертационного исследования. Цель данного исследования состоит в том, чтобы всесторонне проанализировать особенности жанра и языка памятников указанного типа и выявить, насколько сильно язык данных памятников испытал влияние со стороны народного греческого.

Для реализации поставленной в диссертационной работе цели необходимо было решить ряд исследовательских задач:

– кратко рассмотреть развитие языка средневековой Византии (среднегреческого языка) и выделяемые в нем периоды в контексте истории развития греческого языка в целом;

– охарактеризовать композиционную структуру памятников канонической вопросоответной письменности;

– установить их жанровую принадлежность;

– рассмотреть преемственность этого жанра от античной литературной традиции и проанализировать их соотношение;

– проанализировать язык канонических вопросоответов кон. XI – сер. XV вв. на предмет соответствия грамматических норм литературного греческого языка поздневизантийского периода нормам классического древнегреческого, а также на предмет влияния устной языковой традиции (то есть народного языка³) на традицию письменную (литературную).

Методология исследования. В работе использован метод комплексного историко-филологического анализа, основанный на лингвистическом, литературоведческом, риторическом и отчасти

---

³ В настоящем исследовании, говоря о языке текстов, мы будем использовать понятия «ученый» и «народный», согласно разделению, предложенному М. Хинтербергером в докладе «How Should We Define Vernacular Literature?» на конференции Unlocking the Potential of Texts: Interdisciplinary Perspectives on Medieval Greek (Centre for Research in the Arts, Social Sciences, and Humanities, University of Cambridge, 18–19 July 2006). *Доступно:* <http://www.mml.cam.ac.uk/greek/grammarofmedievalgreek/unlocking/pdf/Hinterberger.pdf> (12.06.2014).

источниковедческом изучении оригинальных памятников византийской церковно-канонической мысли XI–XV вв., написанных в форме вопросов-ответов. Данный метод учитывает специфику рассматриваемых текстов, которые играли важную роль в церковной (в частности, литургической) жизни Византии. В соответствии с заявленными целями и задачами исследования в работе использовался диахронический метод для анализа изменений, происходивших в греческом языке поздневизантийского периода. Ввиду того, что проблема жанра была одной из центральных в исследовании, применялся также метод жанрового анализа. Там, где это было необходимо, использовались также иные, нефилологические методы анализа, такие как исследование рукописной традиции памятников и изучение их богословского содержания. Применялся также сравнительно-лексикологический метод, который подразумевает обращение к ряду исторических словарей древнегреческого языка и специальным терминологическим исследованиям.

Актуальность и новизна исследования. В языковом отношении поздневизантийские вопросы-ответы представляют собой тип текстов, испытавших определенное влияние со стороны народного греческого языка. Тем не менее, в существующих исследованиях по грамматике и лексике среднегреческого языка их материал не использован. Исследование имеет целью заполнить эту лауну в научной традиции.

Произведения этого периода в силу своей маргинальности не изучены как памятники церковной письменности.

Научное и прикладное значение работы. Значение этого исследования состоит в получении новых данных о греческом языке поздневизантийского периода: исследование церковной и бытовой лексики, анализ грамматических конструкций. Изучение этих вопросов дает важные сведения о функционировании текстов данного жанра в контексте культурно-языковой прагматики.

Анализ вопросоответной литературы вообще и канонической в частности проливает свет на традицию средневековой школы и мышления, а также позволяет проникнуть в мировоззрение, мироощущение и, что представляется немаловажным, быт средневекового человека.

Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по истории греческого языка и византийской литературы.

Основные положения, выносимые на защиту.

В ходе диссертационного исследования были сформулированы и выдвигаются на защиту следующие положения:

1. Исследуемые памятники поздневизантийской церковно-канонической вопросоответной письменности следует рассматривать в контексте общего процесса восприятия христианской культурой предшествовавшей ей античной эротапокритической традиции.

2. Настоящие памятники церковно-канонической вопросоответной литературы в своей основе (на момент формулировки отдельного вопроса и отдельного ответа) представляют собой эпистолярный жанр, вернее особую его форму – жанр деловой переписки. Принадлежность этих текстов к указанному жанру доказывается средствами историко-филологического анализа.

3. Исследуемые тексты испытывали позднейшее «литературное редактирование», в связи с чем они, во-первых, имеют множество интерполяций и, во-вторых, перерождаются из писем в вопросоответные собрания.

4. Употребление данной литературной формы является не только продолжением древней дидактической традиции, но и средством приспособления церковных канонов для общего употребления и руководства в повседневной жизни.

5. Язык текстов может служить образцом письменного византийского койнэ, ориентированного на грамматические и лексические нормы классического греческого с элементами живого народного языка.

Апробация результатов исследования. Обсуждение положений этого диссертационного исследования проводилось на заседании кафедры Древних языков и древнехристианской письменности Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и на заседании кафедры Византийской и новогреческой филологии Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные положения работы были представлены в виде докладов на 22-м Византийском конгрессе (the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011)); Второй международной конференции по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И. И. Ковалевой (15–17 апреля 2013 г.), организованной кафедрой Византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, на XXIV международной ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 20 ноября 2013 г.; секция кафедры Древних языков и древнехристианской письменности «Генезис жанров христианской литературы»).

Структура работы. Структура диссертационной работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из «Введения», 4-х глав, «Заключения», Index graecitatis, библиографического раздела и 2-х приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая характеристика исследования, описаны объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, указана методологическая основа исследования, обоснована актуальность и научная новизна диссертационной работы, приведена теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Литература в форме вопросов и ответов: общая характеристика, классификация, обзор основных исследований» состоит из 6 разделов и посвящена жанровой проблематике вопросоответной литературы. Первые четыре раздела главы (**разделы I.1. «Общая характеристика и генезис жанра», I.2. «Классификация памятников вопросоответной письменности», I.3. «Обзор основных исследований, посвященных изучению вопросоответной литературы», I.4. «Источниковедческая база»**) имеют в основном реферативный характер. В них описывается возникновение, развитие и распространение вопросоответной литературы (причем описывается не только античная литературная традиция эротапокризов, но и традиция других культур). **Раздел I.5. «Проблема определения жанра памятников вопросоответной письменности»** является аналитическим и посвящен проблеме жанра канонических вопросоответов. Анализ построения текстов и языка памятников позволили прийти к заключению, что каноническая вопросоответная литература, обнаруживающая свои истоки в античной литературной традиции, в своей основе (на момент формулировки отдельного вопроса и отдельного ответа) представляет собой эпистолярный жанр деловой переписки, поскольку:

1) имеет форму корреспонденции между реальными лицами по различным вопросам церковной жизни, как то: литургическая практика, проблема понимания отдельных мест святоотеческого наследия или канонических правил, разрешение конкретных частных ситуаций, не получивших канонической регламентации;

2) некоторые памятники в самом названии, в преамбуле или в самом теле текста имеют указание на переписку (ὑπόμνησις, ὑπομνηστικόν), а иногда даже и на ее обстоятельства (например, вопросоответы Николая Грамматика, Иоасафа Эфесского). Понятие ὑπόμνησις в таком употреблении (подчеркнем, что это не прямое,

а окказиональное значение) встречается, например, в Василиках – Vas.XXI.1.43,⁴ а глагол ὑπομνήσκω – в юридическом сборнике «Пира», который содержит материалы судебной практики Евстафия Ромея (70-е гг. X в. – сер. XI в.) и сведения о практике византийских светских судов.⁵

В ответах Илии Критского в заключительной части вопрошания встречаем указание, вернее просьбу, священника митрополиту Илии прислать ему *письменный ответ* (ἵνα ἐγγράφως κατέχω τὴν ἀλήθειαν) на все его вопросы. В одном из ответов Никиты Ираклийского (Ответ 4) есть прямое свидетельство того, что он состоял в переписке с епископом Константином, который в этом тексте является вопрошающей стороной:

Ἀλόκρισις: Περὶ ταύτης τῆς ὑποθέσεως καὶ **πρότερον ἀπεκρίθημεν** τῇ θεοφιλίᾳ σου, **ἐγγράφον ἐρώτησιν** διὰ τοῦ ἀνεψιοῦ σου δεξάμενοι.

Ответ. Об этом деле⁶ **мы и прежде отвечали** боголюбию твоему, когда получили **письменное вопрошание** через твоего двоюродного брата.

Эти и другие примеры свидетельствуют в пользу эпистолярности памятников.

В пользу данного предположения также говорит и тот факт, что в памятниках встречается целый ряд насущных бытовых вопросов

---

⁴ О византийских юридических терминах с указанной основой – ὑπομνή- см.: Burgmann L. Zur diplomatischen Terminologie in der Peira // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie: Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / Hrsg. L. M. Hoffman, A. Monchizadeh. Wiesbaden, 2005. S. 464.

⁵ В Peira. XV 12 речь идет об одном судебном деле, которое Евстафию поручил некий Орфанотроф (видимо, имеется в виду Иоанн Орфанотроф). Во время судебного процесса Евстафий обращается к последнему, чтобы тот сообщил (ἵνα ὑπομνήσῃ) некоторые обстоятельства этого дела, ср.: Burgmann L. Op.cit. S. 464.

⁶ Речь идет о том, что зять вступил в интимную связь со своей тещей, которая после этого забеременела. Решить самостоятельно эту проблему епископ Константин не мог и поэтому обратился за помощью к митрополиту Никите.

частного характера, которые, судя по содержанию, требовали немедленного разрешения. Это является важным аргументом в пользу «эпистолярности» текстов, поскольку наличие только «общих» вопросов требовало бы исключительно одного вывода, а именно, что эти тексты представляют собой просто свод решений какого-либо иерарха по вопросам, которые, как нам кажется, могли быть предложены ему в различное время и от разных лиц, или даже по вопросам, которые могли быть вызваны текущей церковной жизнью. Приведем несколько примеров:

1. Γυνή τις τῶν ἐνδόξων μέλλει ἐλθεῖν εἰς δεύτερον συνοικέσιον, ζητεῖ δὲ μετὰ δακρύων τὴν τοῦ διγάμου λαβεῖν εὐχὴν παρὰ τοῦ ἀρχιερέως τοῦ κατὰ χώραν ἐν τῇ κατ' αὐτὸν ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ, καὶ ζητῶ λύσιν γενέσθαι μοι περὶ τούτου ((Еρώτησις 1) ответы Никиты Ираклийского).

Некая знатная женщина желает вступить во второй брак и со слезами просит архиерея этой области дать ей молитву о двоебрачном в подведомственной ему святой церкви; и я прошу предоставить мне решение этого *случая*.

2. Ἀδελφός τις τῶν μεθ' ἡμῶν, πρότερον κατὰ κόσμον καθήμενος, πολλῶν ἀνεδέχετο λογισμοὺς, καίπερ μηδὲν τῶν κανονικῶν ἐπιστάμενος διατάξεων. Ἱερεῖς οὖν παραλεπόντας καὶ μοναχοὺς ὁμοίως δεξάμενος καὶ ἄλλα βαρέα ἐγκλήματα συνεχώρησεν πᾶσιν, μηδὲν ἄλλο ποιῶν. Πάντων οὖν ἐκείνων τεθηκότων οὗτος, εἰσελθὼν ἐνταῦθα καὶ τοὺς θείους κανόνας διερευνῶν, τὴν ἑαυτοῦ βλάβην καὶ τὴν πλάνην ἐπέγνω. Δηλωθῆτω οὖν τῷ τοιοῦτῳ παρὰ τῆς ἀγιωσύνης σου, τί ὀφείλει ποιεῖν περὶ τούτων. ((Еρώτησις 1') ответы Николая Грамматика).

Один наш брат, прежде живший в миру, стал принимать (*на исповеди* — А. А.) помыслы многих, хотя ничего не знал из

канонических установлений. Поэтому, принимая падших священников и монахов, тяжкие вины всем прощал, не делая ничего иного. И вот, когда все они умерли, он, придя сюда и божественные каноны изучив, осознал (причиненный им) вред и заблуждение. Итак, пусть будет разъяснено таковому твоею святостью, что он должен делать в таких обстоятельствах.

Также косвенным свидетельством принадлежности этих текстов к эпистолярному жанру служит их язык, который хотя и ориентирован на древнегреческое литературное койнэ (особенно на уровне лексики), однако изобилует не свойственными высокой литературе разговорными конструкциями, как например, во втором ответе Никиты Ираклийского: *πλὴν κώλυε τοὺς ἐπὶ τοῖς γάμοις δεσμούς, καὶ...* с императивом при *πλὴν* («а кроме того, что запрети им брачные узы, еще и ...»). В высоком литературном языке такое едва ли возможно, это черта живого диалога.

В памятниках отсутствует единая логико-композиционная структура и нет литературной стройности, из чего следует, что они не создавались как законченные литературные произведения. Это также является косвенным свидетельством и подтверждением реальности, а не фиктивности переписки.

Отметим и то, что некоторые ответы (например, Ответы 3, 20 и 21 Нила Родосского (XIV в.)), прямо свидетельствуют о том, что они были добавлены в основной текст позднее (видимо, уже после смерти автора ответов). Это свидетельствует о том, что данные тексты могли испытывать позднейшую редактуру.

Вторая глава «Литературный язык в Византии XI–XV вв.: основные тенденции развития» содержит 5 разделов и представляет собой очерк истории византийской литературы и языка. Настоящая глава призвана к тому, чтобы прояснить литературный контекст

и культурно-исторический фон, на котором существуют рассматриваемые памятники.

В разделе **II.1.** «Исторический экскурс» описывается историческая ситуация в Византийской империи XI–XV вв., приведены краткие сведения об основных историко-политических событиях этого периода. Разделы **II.2.** «Литература и литературный язык эпохи Комнинов» и **II.3.** «Литература и литературный язык времен политической раздробленности и латинского владычества и эпохи Палеологов» содержат сведения о развитии византийской литературы в XI–XV вв. и особенностях ее языка. В разделе **II.4.** «Канонические вопросы и византийское койне: общие замечания» определяется лингвистическая ценность исследуемых памятников церковно-канонической письменности, а также делаются общие замечания о языковых параметрах, на которые автор ориентировался при анализе источников в главе IV.

Третья глава «Исследование текстов» содержит 9 разделов в соответствии с 9-ю исследованными в работе памятниками. Каждый раздел содержит информацию об издании текста, авторах, а также описание содержания текстов. После каждого памятника есть подраздел «Лексические и грамматические особенности текста», в котором описаны обнаруженные нами особенности языка конкретного текста.

Четвертая глава «Лексические и грамматические особенности памятников» посвящена анализу языка текста и содержит 3 раздела. В разделе **IV.1** «Лексика» выделяются четыре лексические группы, показательные для характеристики лексики данных текстов (за исключением широкоупотребительных слов): слова с уникальной семантикой, отличающейся от представленной в исторических словарях (**IV.1.1**), терминологическая лексика (**IV.1.2**), заимствованная лексика (**IV.1.3.**), «Слова и формы слов, не характерные для классического вокабуляра (**IV.1.4.**)».

В исследуемых памятниках поздневизантийской церковно-канонической мысли отмечено небольшое количество слов с уникальной семантикой (IV.1.1). Новый смысл у известных слов появляется по разным причинам; вероятно, что расширение семантики происходит нередко под влиянием церковно-правового характера этих текстов. Например, адъектив *πολιτικός* («обиходный, обычный; публичный, государственный, политический»)⁷ встречается в непривычном для классического древнегреческого значении «блудный; общедоступный» (близкий к *πορνικός*): τῶν πολιτικῶν γυναικῶν (Вопрос 19. Ответы Петра Хартофилакса).

В текстах зафиксированы случаи употребления специальной терминологической лексики (т.н. *termini technici*) (IV.1.2). Например, *ἀποκαθαίρεσθαι* имеет значение *обстригивания просфоры от корок копием* (а с XII в. – *изъятия Агнца из просфоры с помощью копья*):

Περὶ τῆς λόγῃς. – Τὸ δὲ ἐν τῇ λόγῃ ἀποκαθαίρεσθαι σημαίνει τὸ ὡς πρόβατον ἐπὶ σφαγῆν ἦχθη καὶ ὡς ἄμνός ἐναντίον τοῦ κείραντος αὐτὸν ἄφωτος. (Вопрос I.1.а. Ответы Илии Критского).

О копии. – А очищение посредством копия означает следующее: «как овца на заклание веден был Он и как агнец пред остригшим его безгласен»⁸.

Число заимствований или иноязычных вкраплений (IV.1.3.) является важным показателем для определения глубины ориентированности авторов исследуемых текстов на язык классических авторов или на живой язык и современную для них действительность. В канонической вопросоответной литературе содержатся заимствования, но объем заимствуемой лексики оказывается крайне незначительным и обусловлен

---

⁷ *Hörandner W.* Traditionelle und populäre Züge in der Profandichtung der Komnenenzeit // XV Congrès International d'études byzantines. Athènes, 1976. P. 9.

⁸ Ис. 53:7.

историческими событиями. Например: τὸ φλωρίον (florenus) – золотая монета, флорин (20. Απόκρισις. Ответы Нила Родосского):

Ὁ δὲ θεῖος ἱεράρχης κύρ Νεῖλος ἐκόλυσε τὸν ἱερέα ἐκεῖνον μῆνας ἕξ καὶ δ' φλωρία ἐλεημοσύνην.

Божественный же иерарх кир Нил запретил того священника на шесть месяцев и *оштрафовал* на **четыре флорина** для принесения милостыни.

В подразделе IV.1.4. перечислены слова и формы слов, не характерные для классического тезауруса. Вот некоторые из них: ἡ κορίτσα (= κόρη, κορίσκη). – девушка (Вопрос 14. Ответы Петра Хартофилакса); τὸ κυνήγι (= τὸ κυνήγιον) – охота, добыча (Вопрос 14. Ответы Нилы Родосского); ὁ παπαδίτζης – кандидат в рукоположение, желающий принять духовный сан (Вопрос 16. ответы Петра Хартофилакса); χύνω (= χέω) – лить, проливать (Вопрос 17. Ответы Петра Хартофилакса).

В разделе IV.2 «Морфологические особенности памятников» рассматриваются некоторые морфологические особенности именной и глагольной системы, встречающиеся в текстах канонических вопросов-ответов, значимые для анализа языка памятников на предмет соответствия грамматических норм литературного греческого языка поздневизантийского периода и древнегреческого, а также на предмет влияния устной языковой традиции (то есть народного языка) на традицию письменную (литературную). Подраздел IV.2.1. «Именная система» содержит сведения об особенностях употребления в исследуемых текстах артикля (IV.2.1.1), числа (IV.2.1.2.), дательного (IV.2.1.3.) и звательного (IV.2.1.4.) падежей, а также о словообразовательных особенностях (IV.2.1.5.); подраздел IV.2.2. «Глагольная система и синтаксис» содержит данные об использовании

прошедших времен (IV.2.2.1.), футурума (IV.2.2.2.), глагола «быть» (IV.2.2.3.), зависимом наклонении (IV.2.2.4.), служебных слов (частиц и союзов) IV.2.2.5. – IV.2.2.6, инфинитивных оборотах IV.2.2.7, местоименной репризе (IV.2.2.8.), гипербатоне (IV.2.2.9). В разделе IV.3 содержатся выводы данной главы.

Употребление артикля (параграф IV.2.1.1) как показателя определенности в целом тяготеет к традиционному синтаксису, однако нужно отметить, что для исследуемых текстов он не является единственным средством выражения определенности/неопределенности. Так, часто используется неопределенное местоимение τῆς «некто», которое для древнегреческого является традиционным средством выражения неопределенности. Мы полагаем, что τῆς можно воспринимать как аналог неопределенного артикля. Также отметим, что в наших текстах не зафиксировано ни одного случая применения числительного εἷς в качестве неопределенного артикля (как в новогреческом ἐνας).

В исследуемых текстах есть некоторые особенности употребления множественного числа (параграф IV.2.1.2). В первую очередь это касается описанных в третьей главе настоящей работы случаев нарушения правила среднего рода (о согласовании подлежащего множественного числа среднего рода со сказуемым в единственном числе), например: Ответ 7. Ответы Николая Грамматика; Ответ 1. Ответы Петра Хартофилакса; Вопросоответ 1. Ответы Иоасафа Эфесского. Отступления от этого правила объясняются тем, что его соблюдение в это время перестало быть языковой нормой.

Отметим также, что в текстах помимо обычных случаев употребления множественного числа, которым выражается количественное множество чего-либо, есть случаи применения «формального», или «этикетного», множественного, то есть когда за грамматическим

множественным числом скрывается единственный субъект – «множественное скромности» и «множественное вежливости».

Причина, по которой мы уделяем отдельное внимание такой грамматической категории имени, как дательный падеж (IV.2.1.3.), заключается в его постепенном исчезновении и выходе из употребления где-то на пути развития древнегреческого языка в новогреческий. Выявление частоты применения в текстах датива и широты его функционирования важно для установления степени соответствия (подражания) языку древнегреческого периода.

На основании проведенного анализа можно заключить, что в исследуемых текстах датив имеет достаточно широкое употребление и используется не только в соединении с предлогами⁹ или как падеж косвенного дополнения, но и в разных синтаксических функциях. Подобное наблюдение в известной степени позволяет нам говорить о явной склонности авторов к подражанию античным авторам и соблюдении норм классического греческого.

Ниже приводится таблица с показателями среднего числа употребления датива в исследуемых памятниках церковно-канонической письменности на 100 слов (по формуле $[x = \frac{\sum Dat. * 100}{y}]$, где x – среднее число употребления датива, $\sum Dat.$ – общее число форм в дативе, y – число всех слов в тексте) в сопоставлении текстов друг с другом. Результаты этого анализа, во-первых, позволяют проследить частоту употребления датива в разные периоды и, во-вторых, позволяют определить, насколько она коррелирует с тенденцией использования дательного в литературе поздневизантийского периода на основании

---

⁹ Отметим, что нами не зафиксировано ни одного случая соединения с дативом предлогов *περί* (около, с помощью, посредством, из-за) и *ὑπό* (под, в зависимости от, по причине, из-за). Очевидно, что для передачи указанных предлогов с соответствующими значениями использовались либо другие предлоги, либо другие падежи.

данных исследования произведений Матфея Эфесского и Феодора Метохита С. Вальгрена¹⁰.

	Общее число употребления датива	Среднее число форм в дативе на 100 слов
Никита митр. Ираклийский (XI в.); <i>13 вопр.-отв.</i> <i>(1305 слов)</i>	34	3
Николай III Грамматик (XI в.); <i>19 вопр.-отв.</i> <i>(1348 слов)</i>	59	4
Петр Хартофилак (XI в.); <i>21 вопр.-отв.</i> <i>(656 слов)</i>	20	3
Никифор Хартофилак (XI в.) <i>5 вопр.-отв.</i> <i>(479 слов)</i>	53	11
Илия Критский (XII в.) <i>7 вопр.-отв.</i> <i>(2721 слово)</i>	69	3
Лука Хризверг (XII в.); <i>20 вопр.-отв.</i> <i>(1431 слово)</i>	54	4
Никита митр. Фессалоникийский (Солунский) (XII в.); <i>17 вопр.-отв.</i> <i>(1627 слов)</i>	52	3
Нил Диазорен, митр. Родосский (XIV в.); <i>21 вопр.-отв.</i> <i>(1483 слова)</i>	36	2
Иоасаф митр. Эфесский (XV в.); <i>54 вопр.-отв.</i> <i>(3030 слов)</i>	93	3

Из таблицы видим, что средний показатель употребления дательного падежа – 3–4 формы датива на 100 слов. Ниже этого показателя датив употребляется только в тексте ответов Нила Родосского

¹⁰ *Wahlgren S. Case, Style and Competence in Byzantine Greek // The Language of Byzantine Learned Literature / Ed. M. Hinterberger. Turnhout, 2014. (SBHC; 9). P. 171–174.*

(2 случая на 100 слов), выше – в ответах Никифора Хартофилакса (11 случаев на 100 слов), которые, нужно отметить, более остальных следуют нормам классического языка.

Полученный средний показатель, конечно, ниже среднего показателя употребления датива в произведениях Матфея Эфесского и Феодора Метохита, где он составляет 9–10 случаев на 100 слов,¹¹ однако нужно заметить, что наши тексты (в отличие от указанных) не входят в число памятников высокой литературы и, следовательно, в какой-то степени отражают процесс отмирания дательного падежа в среднегреческом языке.

Образование формы звательного падежа (параграф IV.2.1.4) в исследуемых текстах в целом соответствует древнегреческой норме. Однако характерной чертой для большинства случаев употребления вокатива, как в Новом Завете, является отсутствие показателя звательного падежа – междометия ῶ.

В параграфе IV.2.1.5. «Словообразовательные особенности» приводятся сведения о словообразовании некоторых существительных I скл. с помощью диминутивного форманта (суффикса) *-ιζ-* (ср. новогреч. *-ιτσ-*), передающего субъективно-оценочное значение малого объёма, размера. Например, существительное *ὁ παλαδίτζης* (ἐρώτησις ιζ' ответы Петра Хартофилакса): имеет значение «кандидат в рукоположение, желающий принять духовный сан».

Подраздел IV.2.2 «Глагольная система и синтаксис» содержит сведения об употреблении времен глагола.

В параграфе IV.2.2.1 «Прошедшие времена» приводятся данные об использовании в текстах времен перфектного ряда – плюсквамперфекта и перфекта. Зафиксирован случай употребления аналитической конструкции, соответствующей плюсквамперфекту (Ответ 20. Ответы Нила Родосского), где вспомогательный глагол ἔχω стоит в Impf.,

---

¹¹ Этот показатель выведен нами по нашей формуле, указанной выше, на основании данных, приведенных в исследовании С. Вальгрена. *Wahlgren S. Op. cit. P. 172–173.*

и к нему присоединяется Aoristus conjunctivi activi – εἶχον + Aor. con. act.: εἶχε λειτουργήσῃ. Данная конструкция – уже практически новогреческий плюсквамперфект (ср.: глаг. ἔχω в аористе – εἶχα + основа аориста смыслового глагола без приставки ε и с окончанием -ει, например: εἶχα ακούσει). Здесь прослеживается явное влияние разговорного языка.

Употребление форм перфекта, который был важной частью глагольной системы древнегреческого языка классического периода¹², – явление нередкое для наших текстов (за исключением, пожалуй, ответов Петра Хартофилакса и Нила Родосского). Однако очень часто, употребляя перфект, авторы текстов используют его не по первоначальному назначению – обозначение состояния (физического или психического) или завершенного действия с результатом в настоящем, – но как альтернативу аористу, то есть для обозначения законченного действия. Например:

Τί ἐστίν, ὃ εἴρηκεν ὁ ἀπόστολος: Ὁ ἐν χεῖλεσι μανθεῖς; (Вопрос 12. Ответы Николая Грамматика).

Что означает сказанное апостолом: «Оскверненный устами»?

Впрочем, такое функционирование перфекта известно еще в текстах Нового Завета¹³.

Отметим также, что зафиксирован случай употребления аналитической формы перфекта для 3 Sg. Perf. Ind. Act. – ἀπολελυμένη ἐστί. (Вопрос 5. Ответы Никиты Иракийского).

Статистические данные по употреблению перфекта указывают на то, что перфект наиболее активно используется следующими авторами – Никитой Иракийским, Николаем Грамматиком, Никифором Хартофилаксом, Лукой ХризOVERГОМ, Иоасафом Эфесским.

¹² *Rijksbaron A.* The Syntax and Semantics of the Verb in Classical Greek. Chicago–London, 2002 (2-nd ed.). P. 35–38; *Sicking C. M. J., Stork P.* The Synthetic Perfect in Classical Greek // Two Studies in the Semantics of the Verb in Classical Greek. Leiden – New York–Cologne, 1996. P. 119–298.

¹³ *Hinterberger M.* The Synthetic Perfect in Byzantine Literature // The Language of Byzantine Learned Literature / Ed. M. Hinterberger. Turnhout, 2014. (SBHC; 9). P. 177.

При этом формы перфекта в основном представлены причастиями (причем, нередко субстантивировавшимися – γεγονότα, προηγιασμένη, τεθνηκώς). Вероятно, что уже в этот период именно причастие становится самым "живым" из неаналитических перфектов, поскольку в новогреческом единственный сохранившийся неаналитический перфект – это именно застывшие причастные формы.

В параграфе IV.2.2.2 «Футурум» приводятся сведения об использовании авторами будущего времени. Будущее время в большинстве случаев образуется так же, как и в классическом греческом – синтетически. Однако наряду с формами синтетического футурама (например, κανονισθήσεται (Ответ 11. Ответы Никиты Солунского), ἐπιτιμηθήσεται (Ответ 12. Ответы Никиты Солунского), ἀξιωθήσεται (Ответ 13. Ответы Никиты Солунского), ἀναστήσεται (Вопрос-ответ 42. Ответы Иоасафа Эфесского)) иногда встречаются формы аналитического (обычные для ранневизантийского периода) по формуле «μέλλω + infinit.». ¹⁴ Например:

... ἐρωτώμενοι δὲ διὰ τί τοῦτο οὕτως ποιοῦσιν ἀπολογοῦνται ὅτι τὸ θερμὸν μέλλει ποιῆσαι τὴν ἰσότητα τοῦ ὕδατος μετὰ τοῦ αἵματος. (вопрос 3. Ответы Илии Критского).

... а когда их (*иереев*) спрашивают, зачем они делают так (*т.е. вливают в чашу очень мало воды – А. А.*), они отвечают, что равенство воды и крови сотворит теплота.

Ἴδοῦ καὶ ἐνταῦθα, ὡς νομίζω, ὅτι ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης μίαν καὶ μόνην ἀποδεικνύει γίνεσθαι ἀναφοράν, ἥτις καὶ μόνη μέλλει ὑποῦσθαι. (вопрос б.с. Ответы Илии Критского).

Вот и здесь, как я считаю, святейший патриарх (*Николай III Грамматик – А. А.*) указывает, что бывает только одно единственное возношение, которое только одно и будет вознесено.

Κανὼν ἐστὶ (sic!) τοῦ μεγάλου Βασιλείου ὁ λέγων, ὅτι οἱ ἐν πολέμοις ἐξερχόμενοι, σφάττοντες καὶ σφαζόμενοι, τριετίαν, ἵνα ἐπιτιμῶνται ἄρα ἐπίσης μέλλει εἶναι τὸ ἐπιτίμιον, εἴτε εἰς Τοῦρκον συμβῆ, εἴτε εἰς Οὐγγρον καὶ Σέρβον; (вопрос 11. Ответы Луки ХризOVERΓA).

¹⁴ Horrocks G. C. Op. cit. P. 298.

Есть канон Василия Великого, который говорит, что отправляющиеся на войну, убивающие и убиваемые, подлежат трехлетней епитимии. Будет ли эта епитимия одинаковой, если это случится *на войне* против турок (*т.е. ишверцев – А. А.*), или против венгров и сербов (*т.е. единоверцев – А. А.*)?

Случаи употребления конструкции *μέλλω + infinit.* в ответах Никиты Ираклийского не являются аналитической формой будущего времени.

Если при употреблении синтетических форм (*Futurum classicum*) выражается собственно будущее, то в приведенных выше примерах при употреблении форм аналитического футурума с *μέλλω* можно усматривать оттенок модальности – намерение (см. наши примеры).

В текстах не обнаружено случаев передачи футурума аналитической конструкцией *θέλω + Infinit.* или *θέλω + νά + Conjunct.*, распространенной в поздневизантийский период (особенно в литературе, испытавшей значительное влияние со стороны народного языка)¹⁵. Также отметим отсутствие форм будущего времени в вопро-соответах Никифора Хартофилакса.

Употребление форм синтетического футурума и футурума с *μέλλω + infinit.*, как говорит Маркопулос, свойственно памятникам среднего и высокого уровня.¹⁶

Важно также отметить, что существуют редкие случаи передачи будущего времени, выраженные *Praesens Indicativi* и *οὐ μή + Aoristus Conjunctivi* (например, Ответ 2. Ответы Никиты Ираклийского).

В целом система греческих времен в наших памятниках ориентирована на классическую.

Параграф **IV.2.2.3** посвящен особенностям спряжения в памятниках глагола *εἶναι*, которое, в целом соответствуя системе древнегреческого языка, тем не менее в ряде случаев имеет "отклонения" от нормы, связанные с использованием сращенной глагольной формы

¹⁵ *Markopoulos Th. The Future in Greek: from Ancient to Medieval. Oxford, 2009. P. 137.*

¹⁶ *Ibid. P. 136.*

ἔνι в значении «быть» (ἔνεστι > ἔνι > новогреч. εἶναι с (возможной) метатезой и гиперкоррекцией¹⁷) – Ответ 21. Ответы Нила Родосского, Вопросоответ 36. Ответы Иоасафа Эфесского, Вопросоответ 53. Ответы Иоасафа Эфесского.

В параграфе IV.2.2.4 описаны случаи употребления конструкции ἵνα + Cop. (в том числе и целевая), в которой можно усмотреть протоновогреческое зависимое наклонение – va + υλοτακτική (вместо инфинитива):

Διὰ τοῦτο σπούδασον, ὅση δύναμις, ἵνα πείσης τοὺς ἀνθρώπους, μηκέτι νομίζειν εἶναι τοιοῦτον (Вопросоответ 42. Ответы Иоасафа Эфесского).

Поэтому старайся, насколько есть силы, убедить людей не помышлять ни о чем подобном.

Обращает на себя внимание (особенно в тексте ответов Петра Хартофилакса) частое употребление союза ἵνα (помимо целевых предложений – в предложениях подлежащих), который в сочетании с Aor. Cop. употребляется вместо императива (ἵνα + Aor. Cop. = Imp.):

Ἐρώτησις ιβ'. Ὁ ἱερεὺς ἐν φαντασίᾳ γενόμενος σωματικῇ καὶ τὴν ἡμέραν ἐκείνην ἵνα λειτουργήσῃ ἢ κοσμικὸς ἵνα κοινωνήσῃ; (Вопрос 12. Ответы Петра Хартофилакса).

Λύσις. Ἐὰν πολλάκις τοῦτο πάσχῃ ἐκ δαιμονικῆς ἐπιρρείας, ὥστε κωλύεσθαι τῆς τοῦ ἀγαθοῦ μεταλήψεως, ἐξαγορεύσει πρότερον, καὶ οὕτως ὁ μὲν ἵνα λειτουργήσῃ, ὁ δὲ λαϊκὸς ἵνα μεταλήψῃται. (Ответ 12. Ответы Петра Хартофилакса).

Вопрос 12. Если у священника было плотское видение, то может ли он служить литургию (= пусть служит литургию), а мирянин причащаться (= пусть причащается)?

¹⁷ Об этом см. Χατζιδάκις Γ. Ν. Μεσαιωνικά και νέα ελληνικά. Τ. 1. Αθήνα, 1905. Σ. 564–568; Eideneir H. Mittlgrichisch εἶν(αι) = εἰσι(ν) // Glotta. Bd. 54. H. 1./2. 1976. S. 115–117.

Ответ. Если часто он претерпевает это от бесовских нападений, так что они препятствуют ему причащаться Блага, то прежде исповедует *это*, и таким образом пусть он служит литургию, а мирянин пусть причащается.

Ἐὰν τεθνήξῃ ὁ βαπτισθεὶς πρὸ τοῦ φθάσαι ἱερέα, ἢ θεία χάρις τελειοῖ αὐτὸν· εἰ δὲ ζήσῃ, ἵνα πάλιν βάλλῃ αὐτὸν ὁ ἱερεὺς εἰς τὴν κολυμβήθραν καὶ εὐχὰς καὶ μύρον ὡς ἔθος. Τὸ αὐτὸ καὶ Νικηφόρος πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως. (Ответ 8. Ответы Нила Родосского).

Если крещенный умрет до прихода священника, его исполняет божественная благодать. А если будет жить, пусть совершит над ним погружение (букв.: пусть бросит его) священник в купель – и молитвы, и миро, как обычно. То же самое *предписывает* и патриарх Константинопольский Никифор.

Параграф IV.2.2.5 содержит анализ союзов и частиц, который является важным элементом анализа языка в диахронии (в данном случае их узус является важным показателем соответствия языка церковно-канонической письменности поздневизантийского периода грамматическим нормам классического греческого).¹⁸ В параграфе приведены количественные данные по употреблению союзов и частиц (γάρ, μέν, δέ, οὖν, τε, καί, ἀλλά, πλὴν, δὴ) в текстах. На основании этих данных было установлено, что тексты в значительной степени насыщены различными многозначными частицами и союзами, которые играли важную роль в синтаксической организации эмотивной стороны исследуемых нами текстов. Употребление некоторых частиц (δὴ – IV.2.2.5.1; γάρ, οὖν – IV.5.2.5.2; μέντοι, γοῦν – IV.2.2.5.3) было прокомментировано отдельно.

В параграфе IV.2.2.6. «Союзы (некоторые особенности)» описан случай употребления сочетания предлога и союза διὰ νά «за то что,

¹⁸ Впервые этот метод был введен и применен «голландской школой». Sicking C. M. J., Van Ophuijsen J. M. Two studies in Attic particle usage: Lysias and Plato. Leiden, 1993.

из-за того что» не в привычном целевом значении «для того чтобы», а в каузальном «за то что, из-за того что» – Ответ 2. Ответы Нила Родосского.

Параграфы IV.2.2.7.–IV.2.2.9. описывают обнаруженные особенности в использовании инфинитивных оборотов (IV.2.2.7), а также случаи местоименной репризы (IV.2.2.8) и гипербатона (IV.2.2.9).

В Заключении подведены итоги диссертационной работы, обобщены и суммированы выводы и результаты проведенного анализа.

1) Выявлен генезис жанровой формы канонических вопросов-ответов, которая восходит частично к античному диалогу, частично – к традиции комментирования законов в римской юридической системе, известной как «*responsa prudentium*» (из них была заимствована форма), а также использует стилистику жанров «кефалайа» («главы») и «апофтегма». Таким образом, «вопросоответы» как жанровая форма есть результат взаимодействия их конституирующих принципов. Контаминация указанных жанровых единиц усилена вместе с тем реальной (в смысле – нехудожественной) межличностной коммуникативной интеракцией, что, в свою очередь, делает эти памятники важным источником по реконструкции повседневной (и, в частности, церковной) жизни византийцев.

2) Композиционный анализ и контент-анализ текстов подтвердил гипотезу о том, что исследуемые памятники канонической вопросоответной литературы в своей основе (на момент формулировки отдельного вопроса и отдельного ответа) представляют собой эпистолярный жанр, вернее особую его форму – жанр деловой переписки, а также подтвердил, что тексты испытывали позднейшее «литературное редактирование», в связи с чем они, во-первых, имеют множество интерполяций и, во-вторых, перерождаются из писем в вопросоответные собрания.

3) Анализ структуры вопросов-ответов позволяет говорить о том, что употребление литературной формы «вопросоответы» является

не только продолжением древней дидактической традиции, но и был весьма удобным с точки зрения практики способом приспособления церковных канонов для общего употребления и руководства в повседневной жизни. Именно поэтому эти памятники (или их фрагменты) употреблялись для практического руководства в церковной жизни наряду с канонами (как например, Божественная литургия с толкованием различных учителей (Ἡ θεία λειτουργία μετὰ ἐξηγήσεων διαφόρων διδασκάλων), Алфавитная синтагма Матфея Властаря (Σύνταγμα κατὰ στοιχείων), Номоканон Мануила Малакса)¹⁹.

4) Язык текстов может служить образцом письменного византийского койнэ, ориентированного на грамматические и лексические нормы классического греческого с элементами живого народного языка.

Основная цель создания этих памятников-коллекций церковно-канонической письменности (распространение литургических и правовых знаний в сообществах средне- и малообразованных людей) объясняет простоту морфологической и синтаксической структуры текстов, ориентированных на нормы классического языка. Вместе с тем также отметим, что язык текстов, лексическая и синтаксическая структура которых, как мы указали, проста, представляет собой верхний средний уровень и вполне соответствует византийскому письменному койнэ.

В силу того, что разговорный язык испытывал на себе влияние и местных наречий, и языков соседей, с которыми у Византии далеко не всегда были мирные взаимоотношения, это, прежде всего, проявилось в определенных лексических заимствованиях. Однако число этих заимствований в наших вопросах оказалось совершенно незначительным: два случая, один из которых в ответах Никиты митр. Солунского, а второй – в ответах Нила митр. Родосского.

---

¹⁹ Таким образом, очевидный вспомогательный характер этих сочинений и определяет их второстепенное место в церковно-каноническом наследии.

Характерные черты разговорно-обиходного греческого языка византийского периода находят свое отражение в языке памятников, но оно оказывается незначительным. В числе этих черт отметим некоторые:

– употребление аналитической конструкции с $\epsilon\chi\omega$ / $\epsilon\dot{\iota}\chi\omicron\nu$ и Aoristus conjunctivi activi для образования перфекта и плюсквамперфекта;

– употребление аналитической конструкции $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$ + *infinit.* для образования футурума;

– употребление глагольной части сказуемого во множественном числе при подлежащем, выраженном существительным среднего рода во множественном числе;

– т.н. протоновогреческое неизменяемое причастие.

Анализ языковых особенностей исследованных текстов доказывает, что язык этих памятников, сохранивший лишь небольшую и, во всяком случае, нехарактерную часть классической лексики, вполне может служить образцом письменного византийского койнэ, ориентированного на классический греческий (поскольку присутствие в текстах стремления к литературному пуризму очевидно), с элементами народного среднегреческого языка.

Проведенное исследование языковых особенностей поздневизантийских канонических вопросов должно стать дополнением к работам и исследованиям византийского греческого.

В этих памятниках церковно-канонической письменности находит отражение образ жизни и религиозная практика византийского общества, что во многом и определяет историческую ценность этих памятников.

В ходе исследования была обнаружена необходимость в составлении комментированных переводов данных памятников церковно-канонической письменности, поскольку тексты оказываются часто трудными для понимания: ведь каждый из них существует в контексте своего времени и индивидуальных условий возникновения, которые не всегда известны и понятны читателю. Для дальнейших

рассуждений о реконструкции повседневной церковной жизни в период поздней Византии в первую очередь необходимо, разумеется, анализ содержания этих памятников, который осуществлялся бы по единой методике. В конце настоящей работы помещено Приложение II с комментированным переводом ответов Константинопольского патриарха Николая III Грамматика. Дальнейшее исследование этой группы текстов предполагается по принципу работы, предложенном в указанном приложении.

В «**Index graecitatis**» приведены сведения о прочих языковых явлениях текстов, которые не были освещены в третьей главе исследования.

Приложение I «Собрание фрагментов наиболее интересных канонических вопросов (греческий текст и перевод)» представляет коллекцию различных канонических вопросов, которые с точки зрения автора наиболее ярко характеризуют данный корпус текстов и помогут читателю представить широту затрагиваемых проблем.

Приложение II «Комментированный перевод канонических ответов патриарха Константинопольского Николая Грамматика» демонстрирует тот принцип работы, по которому можно продолжить исследование остальных канонических вопросов.

Основные положения диссертации отражены в публикациях в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Анашкин А. В.* Канонические «Ответы» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111): содержание, источники, история текста // Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 2 (32). М., 2013. С. 87–113.

2. *Анашкин А. В.* Рец.: *Horrocks G. C.* Greek: A History of the Language and its Speakers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010 (2-nd ed.) // Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 1 (36). М., 2014. С. 102–109.

3. Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 4 (39). М., 2014. С. 57–69.

в других научных изданиях:

4. *Anashkin A.* The Canonical Replies of the Patriarch of Constantinople Nicholas III Grammatikos (1084–1111): Content, Sources, History of the Text // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22–27 August 2011). Vol. 2: Abstracts of Round Table Communications. Sofia, 2011. P. 74.

5. Анашкин А. В. Особенности перевода на русский язык «Канонических ответов» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111) // Тезисы и материалы Второй международной конференции по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И. И. Ковалевой. МГУ им. М. В. Ломоносова (15–17 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 4–6.

6. Анашкин А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте памятников канонической письменности поздневизантийского периода // Материалы XXIV Международной ежегодной богословской конференции. ПСТГУ, 20 ноября 2013 г. М., 2013.

7. Анашкин А. В. Византийские церковно-канонические эротапокризы XI–XV вв. как памятники эпистолярного жанра // Тезисы и материалы Третьей международной конференции по классической, византийской и новогреческой филологии памяти И. И. Ковалевой. МГУ им. М. В. Ломоносова (20–22 апреля 2015 г.). М., 2015. С. 7–12. (В печати).

Сдано в набор 03.04.2015. Подписано в печать 07.04.2015.
Формат 60×84/16. Бумага офисная. Гарнитура «Times New Roman».
Цифровая печать. Уч.-изд. л. 1,2. Физ. печ. л. 6,5.
Тираж 75 экз. Заказ № 2а.
Отпечатано в типографии РИСИ.
125413, г. Москва, ул. Флотская, д. 15Б.